

Предположение о близости интересующего нас летописного текста к Федору Басенку подтверждается не только обилием содержащихся в нем известий о военных столкновениях, явным сочувствием летописи Басенку и враждебностью к ряду других воевод. Оппозиционные тенденции этого летописного текста также соответствуют данным биографии Басенка: вскоре после восшествия на престол Ивана III „удалый воевода“ подвергся опале, ослеплению и ссылке в Кириллов монастырь.¹

Кем был создан летописный свод, связанный с Федором Басенком, мы не знаем.² Но для характеристики дальнейшей судьбы этого летописного свода заслуживает внимания одна из летописей, отразивших этот свод (и притом, повидимому, более полно, чем все остальные), — Ермолинская. Уже А. А. Шахматов отметил близкую связь этой летописи с московским купцом, строительным подрядчиком и выдающимся архитектором В. Д. Ермолиным: между 1462 и 1472 годом летопись содержит целую серию известий о строительной деятельности Ермолина.³ Шахматов считал, однако, что известия о Ермолине являются случайным элементом в общем тексте Ермолинской летописи: до включения этих известий протограф Ермолинской был, по его мнению, почти тождествен с Ростовским владычным сводом.⁴ Выше мы уже указали, почему предположение о тождестве Ермолинской летописи с Ростовским владычным сводом представляется сомнительным. Если же считать, что в основе Ермолинской летописи лежал свод, близкий к оппозиционному московскому боярству, то связь между известиями о Ермолине и остальной частью свода становится значительно более понятной: представители московского патрициата Ермолины уже во второй половине XV века стали родниться с боярами и переходить в разряд земельной знати.⁵

* * *

Изучение Софийской II и Львовской дает возможность выделить еще одну общерусскую летопись конца 80-х годов XV века — летопись, оппозиционные тенденции которой обнаруживаются особенно ярко. Эта летопись была исследована А. Н. Насоновым. Он совершенно справедливо отверг мнение А. А. Шахматова, видевшего в летописном материале, сохранившемся в Софийской II и Львовской, еще одно отражение все того же Ростовского владычного свода (Тихоновской редакции).⁶ На целом ряде примеров А. Н. Насонов доказал связь протографа Софийской II — Львовской с митрополитом Геронтием.

¹ См. неизданный краткий летописчик, содержащийся в составе рукописного сборника, составленного известным сподвижником Нила Сорского Гурием Тушиным в Кирилловом монастыре (ГПБ, Соф. 1468): „В лето 6971 августа 27 Басенку очи выняли после великого князя Василья смерти год и 5 месяць (л. 183 об.). . . В лето 6981 июля 4 приехал Басенок в Кирилов жити и жил в нем 7 лет и два месяца (л. 184)“. (За сообщение этого источника я очень признателен А. А. Зимину). Ср.: С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 245; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. II. М., 1951, стр. 196.

² Нам нет необходимости видеть в летописном своде, лежащем в основе Ермолинской, Погод. 1409 и других летописей, личную летопись Басенка. Связи отдельных лиц с теми или иными центрами летописания не раз засвидетельствованы в истории (ср., например, связь Яна Вышатица с печерским летописанием).

³ ПСРА, XXIII, стр. 157—161.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение. . . , стр. 146.

⁵ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 110—111.

⁶ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 18, 22, 80—81. — А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 715—716.